

УДК. 821.112.2

МОТИВ ПАМЯТИ В РОМАНЕ К. ХАЙНА «ТРУТЦ»

Е.В. КУЗНЕЧИК

(Полоцкий государственный университет)

e.kuznechik@psu.by

Исследовано своеобразие исторической прозы К. Хайна на примере романа «Трутц» (2017). В рамках оппозиции «свой» – «чужой» разворачивается основной художественный конфликт, связанный с вынужденной миграцией во времена тоталитаризма – фашизма и сталинизма. Отношение к прошлому – важнейший пункт эстетической программы писателя. К. Хайн подвергает острой критике сущность тоталитарных государств, механизмы манипулирования и подавления личной свободы граждан. Предметом исследования выступает мотив памяти, который реализуется через образ семьи. В романе присутствует ряд повторяющихся мотивов, образов (мотив травмы, памяти, образ семьи) и авторских приемов (прием эмоционально-смысловой окраски имени, использование символики).

Ключевые слова: немецкая литература после объединения, история Германии, вынужденная миграция, оппозиция «свой» – «чужой», интеграция, мотив памяти, мотив травмы.

Введение. Обращение к прошлому является одним из основных направлений литературы Германии первых послевоенных десятилетий. Это определило актуальность целого ряда тем: тема личной вины и ответственности за преступления во времена национал-социализма, сопричастности и покаяния, тема опасности реваншизма и непреодоленного прошлого. Об этом писали В. Борхерт (драма «На улице перед дверью», 1947; рассказы «Одуванчик», 1947, «В этот вторник», 1947, «Печальные герани», 1961), Г. Бёлль (романы «Где ты был, Адам?», 1951, «Бильярд в половине десятого», 1959, «Глазами клоуна», 1963), З. Ленц (романы «Урок немецкого», 1968, «Живой пример», 1973), А. Андерш (роман «Винтерспельт», 1974), Г. Грасс (романы «Данцигской трилогии», «Под местным наркозом», 1969, «Траектория краба», 2002). Обращались к прошлому и представители литературы ГДР – А. Зегерс (романы «Решение», 1959, и «Доверие», 1968) и К. Вольф («Расколотое небо», 1963), в произведениях которых повествуется о становлении новой Германии и формировании нового человека в первые послевоенные годы.

Данная тематика остается актуальной и для современных немецких писателей, к которым по праву можно отнести Кристофа Хайна. В одном из своих эссе он осмысляет исторический опыт немецкого народа и вытекающие из него уроки: «Прошлое не проходит, оно не может исчезнуть, как и мертвые не могут умереть и быть похоронены дважды. Прошлое – это актуальный шанс минувших дней. Мы извлекли из него пользу либо потратили зря, оно не поддается исправлению и является нетленным. Мы должны жить с ним, оно принадлежит к нашей жизни, к нашему настоящему, а также к нашему будущему. <...> Настоящее и будущее бренны, прошлое – нет»¹ [1, S. 15]. Писатель считает, что осознание исторической ответственности за свою деятельность уходит корнями, прежде всего, в прошлое и аккумулируется в памяти народа. Он пишет: «Память немецкого народа есть память преступников. Из-за нашего брата Гитлера наша память стала для нас мучением. Мы можем предать себя суду наших воспоминаний и повиниться в ответственности немецкого народа за геноцид, мы можем подавить эти чувства в себе, мы можем отрицать их <...>, мы можем их трактовать по-разному, мы можем загородиться от них послевоенными достижениями немецкого народа.<...> Но мы знаем, что и завтра, и наверняка через сорок лет это прошлое, в особенности *это* (курсив мой. – Е.К.) прошлое не пройдет» [1, S. 26–27]. По мнению Хайна, основными составляющими памяти являются воспоминания и забвения, «в повседневной жизни эти понятия составляют единое целое: Помнить, чтобы не допустить забвения» [2, S. 34]. Эта мысль, претендующая на статус аксиомы, красной нитью проходит через все творчество писателя.

Основная часть. В романе «Трутц» (Trutz, 2017) автор переносит читателя во времена национал-социализма и сталинизма, отличительной чертой которых является слепое повиновение народа власти. В эту эпоху точные воспоминания о событиях могли быть опасными для жизни. Устами одного из своих главных героев Хайн заключает: «Память, хорошая и точная память, всегда была нежелательной. И если бы существовал изобретатель забывчивости, его бы высоко ценили, с ним можно было бы проще договориться, <...>. Так было, так есть и так будет» [3, S. 190]. В недавнем интервью, посвященном выходу в свет вышеупомянутого романа, Хайн высказал предположение, почему существует проблема замалчивания истории: «В прошлом как отдельного человека, так и множества стран есть события, о которых желательно забыть, о которых не хотят помнить и не хотят говорить, так сказать, чтобы все поросло бльем, травой. И если потом придет какой-нибудь осёл и съест эту траву, то его можно будет обезглавить. <...> В истории каждого государства есть не-

¹ Здесь и далее перевод наш – Е.К.

желательные для общественной огласки события и происшествия» [4]. В этой связи становится понятной позиция автора, когда он, говоря о памяти, цитирует слова Ницше: «"Это было", – сказала Память. "Этого не могло быть", – сказала Гордость. И Память сдалась» [5].

Роман «Трутц», раскрывающий панораму XX столетия, – это семейная сага, хроника жизни двух семей, советской и немецкой, в чьих судьбах запечатлелась большая история. Произведение начинается с предисловия, рассказчиком в котором выступает некий безымянный писатель. Его присутствие в романе не обозначается, он находится как бы на заднем плане повествовательной плоскости. Такая композиционная подача убеждает читателя в том, что Михаэль Трутц – главный герой произведения – реальный человек, что его история и история его семьи, записанная автором со слов Трутца и подтвержденная многочисленными архивными документами – это не выдумка, а самим писателем является Кристоф Хайн. Но, по признанию самого автора, «все и всё выдуманно, но прежде тщательно изучено, чтобы избежать ошибок» [4].

Хайн не изменяет собственной манере, прибегая и в этом произведении к использованию многочисленных символов. Скрытый смысл заложен в имени главного героя романа, чья фамилия трактуется двояко: (сущ.) *der Trutz* (уст.) / *Trotz* – 1) упрямство, упорство, своенравие; 2) бой, борьба². Эти качества характерны для главного героя. С таким упрямым Трутцем, ведущим бой с неправдой и несправедливостью, читатель знакомится в начале романа и видит его таким же в конце произведения.

Предисловие романа завершается погребением Михаэля Трутца, смерть которого наступила в результате продолжительной болезни. Прощальная церемония проходила «под звуки "Реквиема" Моцарта, после окончания которого траурная процессия последовала под звуки веселого вальса» [3, S. 20]. Завершая предисловие таким образом, Хайн настраивает читателя на трагический финал романа, однако звуки веселого вальса оставляют надежду, что мучения главного героя остались позади, и он обрел мир и покой.

По структуре роман делится на две части. В первой части автор рассказывает о жизни молодого человека из мекленбургской провинции Райнера Трутца, который переезжает в Берлин начала 1930-х годов, где царят безработица и нищета, бушуют политические волнения. Он пробует себя как писатель и журналист, переживает первый профессиональный успех и знакомится с любовью всей своей жизни – девушкой Гудрун. Спокойствие в жизни Трутца-старшего заканчивается вместе с выходом в свет его второго романа, который не все критики принимают благосклонно. Автор одной из рецензий называет новое творение Райнера «коммунистическим памфлетом, <...> подрывной деятельностью красной крысы, которая грызет национальные корни немецкой культуры, чтобы уничтожить германские традиции» [3, S. 93]. Появляются и другие рецензии отрицательного характера, в которых Трутцу-старшему предъявляют претензии в том, что он своей литературной деятельностью порочит новое народное движение. Вершиной неприятностей становится ночное нападение на квартиру Райнера и Гудрун. Молодые люди безуспешно ищут помощи и защиты у полиции. Полицейские не слишком заинтересованы в раскрытии дела, проявляют халатность при исполнении обязанностей, сознательно избегают мест со следами и отпечатками пальцев преступников³. Ситуация усугубляется тем, что Гудрун узнает о беременности. Опасаясь за свою жизнь и жизнь будущего ребенка, молодые люди решают покинуть Германию. Обстоятельства складываются так, что единственной страной, готовой принять у себя вынужденных мигрантов, становится Советский Союз. Устами Гудрун Хайн задает риторический вопрос: «Что мы сделали неправильного, из-за чего мы больше не можем жить у себя на родине?» [3, S. 123]. Но ни Гудрун, ни Райнер так и не находят ответа на вопрос, как не находили его и многие другие немецкие антифашисты.

Вторая часть романа охватывает большой временной отрезок, увеличенный за счет системы персонажей, основу которой составляет изображение семьи. Через образ семьи Хайн освещает вопрос вынужденной миграции⁴, начиная вторую часть произведения с символического описания того, как семья Трутц пересекает границу в поезде. «Райнер и Гудрун смотрели из окна вагона, они хотели почувствовать момент пересечения границы поездом, но снаружи ничего не было видно, ни фонарей, ни звезд, никакого движения, никакого знака» [3, S. 143–144]. Кромешная темнота на протяжении всего пути в новую жизнь намекает читателю на то, что ожидаемое не совпадет с реальностью, что судьба Райнера и Гудрун будет такой же беспросветной, как и дорога надежды в страну, «которая, несмотря на все ошибки и недостатки, обещает будущее человечеству и является желаемым пристанищем для беженцев и защитной гаванью всем эмигрантам» [3, S. 172]. В романе говорится, что проблемы возникают с самого начала, ведь прибывающие мигранты нарушают привычный уклад жизни местного населения, повышая уровень безработицы и вызывая к себе предвзятое отношение со стороны послед-

² Хайн не впервые в своем творчестве использует прием эмоционально-смысловой окраски имени, которая несет в себе глубокий смысловой подтекст. Такой художественный метод встречается в романах «Вилленброк» (*Wiltenbrock*, 2000), «Захват земли» (*Landnahme*, 2004), «Наследие Вайскерна» (*Weiskerns Nachlass*, 2011).

³ Проблема отсутствия защищенности рядового гражданина со стороны государственных структур в переломные для страны моменты хорошо раскрыта Хайном на примере жизни главного героя в романе «Вилленброк».

⁴ Тема вынужденной миграции уже попадала в поле зрения Кристофа Хайна. Создавая подобную семейную сагу, автор рассматривает ее в своем романе «Захват земли» (*Landnahme*, 2004) [см. 6].

них. Помимо этого, сложность в процессе интеграции вызывает наличие языкового барьера и отсутствие должного образования. Не менее значимую роль при трудоустройстве играет членство в партии. В связи с этим мигрантам предоставлялись только низкооплачиваемые рабочие места. Так, единственным местом работы для беспартийного Райнера Трутца, становится бригада, занятая на строительстве московского метро. «Ни один человек в этой бригаде не был квалифицированным строителем или слесарем, ни один прежде не работал на стройке, у себя на родине большинство работников работало в различных учреждениях, они были далеки от физического труда» [3, S. 172]. Эта интернациональная бригада «была сборищем подсобных рабочих, занятых на разных участках стройки и труд которых нигде не ценили» [3, S. 172]. Изображая жизнь вынужденных переселенцев в условиях тоталитарного режима, Хайн подчеркивает, что сферы их интересов далеки от политики. Все, чего хотят изгнанники, – это спокойно трудиться, жить без страха за свою семью и близких.

Ощущая себя лишними в обществе, мигранты избегают интеграции в него, становясь зачастую мишенью для новых нападков и «осознавая себя инородным телом в слаженной разрушительной машине» [7]. Именно по этим причинам круг общения семьи Трутц был довольно скудным. В него входила семья профессора Московского университета Вальдемара Гейма, чей «прапрадед, который в то время носил фамилию ван Гейм, был известным во всей Российской Империи изобретателем и фабрикантом» [3, S. 186], а также сотрудница советского посольства Лилия, возглавлявшая отдел фильмографии в момент случайного знакомства с Райнером в Германии. Сюжетная линия Лилии затрагивает вопросы переоценки искусства, кино и литературы в период неожиданного для большинства населения «потепления» отношений с Германией. Ведь согласно новому курсу, принятому после подписания пакта Молотова – Риббентропа, СССР и Германия обрели надежных друзей в лице друг друга. Рекомендовалось исключить из обихода такие слова как «фашистский» и «антифашистский», вместо них употреблять следующие: немецкий, Германия, вождь Адольф Гитлер. Однако позиция Лилии расходится с официально проводимой линией властей, о чем становится ясно из ее вопроса руководству, «как она должна объяснить театральным деятелям и общественности, что фашисты отныне являются дружественными немцами, а излюбленные антифашистские постановки не должны больше ставиться» [3, S. 290]. Конечно, судьба Лилии складывается трагично: ее арестовывают и отправляют на принудительные работы. После реабилитации Лилия возвращается в Москву, но годы каторжного труда отразились на здоровье и внешности. Некогда бывшая красавица она потеряла волосы и зубы, кожа на щеках и шее покрылась пятнами, воспалились суставы. Хайн на примере своей героини показывает, что не все даже в условиях тоталитарного режима соглашались с политикой подавления свободомыслия и гласности, и при этом подчеркивает, что выступая против одурачивания масс, человек вступает в неравный бой с системой.

Мотив памяти Хайн реализует в образе профессора Гейма – человека из мира науки. «Политика – не наука, а посему не играла для него никакой роли, так как сегодня можно было сказать одно, завтра – другое, ничего нельзя было доказать или опровергнуть, он просто принимал к сведению то, что значилось в газетах, либо то, что сообщал партсекретарь его факультета, кивая головой в знак согласия, и никогда не возражал» [3, S. 185]. Профессор занимается тем, что разрабатывает методы тренировки памяти, область его деятельности – это наука мнемоника. Одержимый идеей создать человека с идеальной памятью, профессор с ранних лет проводит тренировки в игровой форме с сыном Ремом и сыном Трутцев. Оба показывают успехи и опережают в развитии сверстников. Однако Гейм вынужден прервать исследования. Виной тому явилась заметка в газете «Правда» о враждебных и антисоветских тенденциях в науке. На собрании по делу Гейма его речь в защиту мнемоники прерывается вопросом о национальной принадлежности. Профессор идентифицировал себя как русский, но его прапрадед был немцем, а, следовательно, и сам Гейм испытывает симпатию к немцам и Гитлеру. Как итог: профессор Гейм исключен из университета, лишен всех званий и регалий, и чтобы прокормить семью, начинает работать гардеробщиком. Через художественный конфликт, который разворачивается в рамках оппозиции «свой» – «чужой», Хайн показывает, каким сложным является процесс интеграции мигрантов в общество, затягиваясь порой на несколько поколений. И если сам Гейм считает себя русским (ведь он рожден не в Германии и не знает немецкого языка, и все, что есть у него «немецкого» – это фамилия предка, со временем претерпевшая изменения), то в глазах общества он все равно чужак.

Одновременно с Геймом в водоворот жизненных обстоятельств, обусловленных политическими процессами, попадает и Райнер Трутц. Он арестован и подвергается многочисленным допросам, его обвиняют в распространении клеветы в отношении Советского Союза. В качестве доказательства предъявляется статья Трутца из газеты «Вельтбюне», в которой он в ироничной форме прокомментировал заметки немецких писателей об их путешествии в советскую страну. Трутц написал заметку еще в период жизни в Германии, но она обернулась для него бомбой замедленного действия. «За свою контрреволюционную и троцкистскую деятельность Райнер Трутц приговорен к пяти годам принудительных работ в лагере "Рудник 1" в городе Воркуте», там же заканчивается его жизненный путь. Судьба Трутца-старшего, как и многих таких же вынужденных переселенцев, была предопределена. В попытках избежать наказания со стороны пришедших к власти нацистов, в желании жить мирной жизнью и трудиться, главный герой всего лишь отодвигал момент смерти на неопределенное время. Ведь если представить, что судьба Райнера Трутца сложилась бы по-иному, и он избежал бы смерти в лагере, то его бы депортировали на родину, где его ожидал схожий конец. Ведь «согласно секретному доппротоколу советско-

немецкого договора о ненападении, обе стороны обязались выслать по 1500 эмигрантов» [3, S. 340]. В этих списках значилось и имя Райнера Трутца.

Вопрос вынужденной миграции Хайн раскрывает в образе главного героя Михаэля Трутца. С началом войны началось массовое принудительное выселение немцев, осевших и проживавших в европейской части Советского Союза, в другие районы страны. Депортации подверглась Гудрун Трутц со своим сыном Михаэлем и семья профессора Гейма. Стараниями Лилии обе семьи оказались в местечке Коркино, в 40 км от Челябинска. Здесь они снова переживают мучительный процесс интеграции, сталкиваясь с вопросами национальной принадлежности. «Русские воспринимали их как врагов, называли их гитлеровцами, приверженцами и защитниками немецких фашистов», хотя большинство депортированных – это немцы в пятом поколении, которые не знают ни слова по-немецки. Отрицательное отношение испытывают на себе и дети переселенцев. В школе Михаэля Трутца называют «Адольфчиком» (Adolfschik) или «маленьким Адольфом» (kleiner Adolf). [3, S. 347]. Несмотря на все сложности, Михаэль продолжает занятия по тренировке памяти с Геймом и его сыном Ремом, которые длятся вплоть до того, пока учительскую деятельность бывшего ученого не сочли грубым нарушением. «Назначение приговоренного к пожизненным трудовым работам преступника воспитателем и педагогом нового поколения является антисоветским и преступным» [3, S. 364]. Гейма направляют в лагерь, где «ученый-мнемоник и бывший профессор лингвистического факультета Московского государственного университета <...> умер как каторжник и лесоруб лагеря под Челябинском в возрасте 55 лет, истощенным до 49 кг» [3, S. 365]. Сюжетная линия романа, которая связана с Геймом, несет в себе особый трагикомизм. Ведь произведение представляет собой отчасти чествование всеми забытого исследователя памяти. В таком контексте символичным является и то, что о деле всей жизни профессора Гейма было забыто, а все его труды были уничтожены или потеряны. Единственным человеком, который хранит в памяти все о работе Гейма, был и остается его воспитанник и ученик Михаэль Трутц.

Потеряв родителей, Михаэль в очередной раз испытал на себе нелегкую судьбу вынужденного мигранта, когда после окончания войны его отправляют на историческую родину. Интеграция в Германии проходила нелегко, для всех он был русским. Его выдающиеся способности все помнить и никогда ничего не забывать позволили ему блестяще окончить школу и поступить на исторический факультет в желаемый университет. Даже став студентом, Михаэль не спешит вступать в союз молодежи, из-за чего лишается возможности продолжать обучение по выбранной специальности. В этом вопросе прослеживается некое сходство с главным героем романа «Портрет сына с отцом» (*Glückskind mit Vater*, 2016), Константином Боггошем⁵, который в отличие от Трутца, специалиста по воспоминаниям, не хочет помнить свое прошлое из-за отца-нациста. Эпизодом, связанным с принудительной сменой места учебы, автор критикует сущность тоталитарного государства, где подавляются права и ограничивается личная свобода граждан.

Трутца-младшего по праву можно называть жертвой тоталитарной машины. Если его отец выступал за правду во времена фашизма и сталинизма, то на долю Михаэля отстаивание правды выпало на период «холодной войны». «И у этой войны есть свои невинные жертвы. Победитель истории пишет историю. Архивы должны предоставлять не просто правду, а *подходящую* (курсив мой – Е.К.) для таких случаев правду», – к такому заключению приходит наставник и коллега Михаэля, архивариус доктор Шмид [3, S. 416]. Но Трутц – борец по натуре и честный человек, он живет в ладу со своей совестью и памятью. В некоторой степени он повторяет судьбу другого хайновского героя⁶, когда при помощи своих способностей устанавливает, что один из действующих высокопоставленных функционеров в прошлом был ярким приверженцем национал-социалистов. Но, как и многих неудобных, докопавшихся до истины представителей интеллигенции, вместо благодарности его ожидает наказание – вынужденная смена работы и переезд в провинцию. На этом неудачи в жизни Михаэля не заканчиваются, они преследуют его и в дальнейшем. Следует отметить, что присутствующий в романе мотив психологической травмы, который автор также использует в романах «Аккомпаниатор», «Чужой друг», «Вилленброк», «Портрет сына с отцом», реализуется в образе главного героя. Так, после 28 лет брака он переживает расставание с женой, которая в качестве главной причины указала способность супруга помнить всё. Он узнает, что друг детства и сын горячо любимого профессора Гейма, связь с которым возобновилась после 48 лет молчания, жестоко убит в своей квартире в Москве. Поэтому предсказуемо, что в конце произведения безутешный Михаэль Трутц пытается заглушить горе водкой. Но ни алкоголь, ни без-

⁵ Константин, будучи одаренным учеником, студентом, не может полностью реализовать себя и свои знания в жизни, имея в личном деле информацию об отце-нацисте. Успешно сдав вступительные экзамены в университет кинематографии, Константин получает письмо из ректората об аннулировании его зачисления без указания причин. Однако в личном разговоре с ректором он узнает, что причиной тому является темное пятно в его биографии. Ректор, будучи послушным исполнителем воли тоталитарной машины, лишь отмечает: «Кто не разоблачает врага, тот будет сам разоблачен как враг» [8, S. 391].

⁶ Речь идет о главном герое одноименного романа «Смерть Хорна» (*Horns Ende*, 1985), который за свои взгляды и свою жизненную позицию был уволен из университета и назначен директором провинциального музея. В одной из бесед со своими оппонентами Хорн отстаивает свою точку зрения по отношению к памяти, созвучную с точкой зрения автора: «Какая жуткая мысль – жить без памяти. Мы бы жили без опыта, без знаний, без духовных и нравственных ценностей. Уничтожьте человеческую память, и вы уничтожите человечество» [9, с. 203].

ропотное смирение не могут помочь ему забыть то, чего изменить уже нельзя. Не менее символичной является причина смерти главного героя. Он умирает от неоперабельной опухоли головного мозга – главного органа памяти. Не случайно Хайн завершает роман о поломанных судьбах нескольких поколений фразой, которую по праву можно назвать квинтэссенцией всего произведения: «Счастлив тот, кто забывает то, что невозможно изменить» [3, S. 477]. Как верно заметил обозреватель немецкого журнала *Spiegel ONLINE* К. Бусс: «Роман о воспоминаниях в XX веке может быть только трагедией» [10].

Заключение. Основой для осмысления проблемы памяти в романе К. Хайна «Трутц» становятся вопросы вынужденной миграции в контексте двух сложившихся тоталитарных систем. Одной из форм репрезентации мотива памяти автор избирает образ семьи. На примере жизни двух семей, советской и немецкой, Хайн остро критикует механизмы, составляющие основу любого тоталитарного режима: подавление свободомыслия и гласности, ограничение прав и личной свободы граждан, переоценка всех видов искусства с целью массовой манипуляцией народом, развитие доносов, чистки и репрессии.

В философско-эстетическом фокусе писателя находится тема насилия над личностью, раскрывающаяся через мотив психологической травмы. Основной художественный конфликт романа разворачивается в рамках оппозиции «свой» – «чужой» и связан с вынужденной миграцией как историческим и национальным явлением. В произведении показано, что процесс интеграции вынужденных переселенцев – явление сложное, сопровождаемое многочисленными проблемами (языковой барьер, отсутствие образования) и протекающее на протяжении нескольких поколений.

В романе присутствуют повторяющиеся мотивы и сюжетные линии, особое место отводится символам (звуки «Реквиема» и вальса, водка). Роман создан в реалистической манере письма, чему способствует композиционное построение произведения, привлекая внимание читателя и обеспечивая эффект достоверности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Hein, C. Die Zeit, die nicht vergehen kann oder Das Dilemma des Chronisten. Gedanken zum Historikerstreit anlässlich zweier deutscher vierzigster Jahrestage / C. Hein // Die Mauern von Jerichow: Essays und Reden / C. Hein. – Berlin : Aufbau Taschenbuch Verlag, 1996. – S. 9–40.
2. Hammer, K. Chronist ohne Botschaft. Christoph Hein. Ein Arbeitsbuch, Materialien, Auskünfte, Bibliographie / K. Hammer. – Berlin und Weimar : Aufbau, 1992. – 316 S.
3. Hein, C. Trutz / C. Hein. – Berlin : Suhrkamp, 2017. – 478 S.
4. Wieland, R. «Trutz» von Christoph Hein [Elektronische Ressource] / R. Wieland // Gespräch mit Christoph Hein. – 04.10.2018. – Zugriffsmodus: https://www.youtube.com/watch?v=bZm_YwPhIvw. – Freigabedatum: 26.03.2017.
5. Hügler, M. Das blaue Sofa [Elektronische Ressource] / M. Hügler // Gespräch mit Christoph Hein. – 05.10.2018. – Zugriffsmodus: <https://www.youtube.com/watch?v=vQlmlslz4rk>. – Freigabedatum: 27.03.2017.
6. Гордеёнок, Т. М. Осмысление проблемы вынужденной миграции в романе К. Хайна «Захват земли» / Т. М. Гордеёнок, Е. В. Кузнецик // Вестник Полоцкого гос. ун-та. Сер. А, Гуманит. науки. – 2016. – № 10. – С. 2–7.
7. Гордеёнок, Т. М. Осмысление проблемы исторической правды в романе К. Хайна «Смерть Хорна» / Т. М. Гордеёнок // Вестник Полоцкого гос. ун-та. Сер. А, Гуманит. науки. – 2012. – № 2. – С. 23–27.
8. Hein, C. Glückskind mit Vater / C. Hein. – Berlin : Suhrkamp, 2016. – 527 S.
9. Хайн, К. Смерть Хорна. Аккомпаниатор / К. Хайн ; пер. с нем. Б. Хлебникова. – М. : Радуга, 1991. – 408 с.
10. Buß, Ch. Hitler, Stalin und der kleine Trutz [Elektronische Ressource] / Ch. Buß // Zeit Online. – 04.10.2018. – Zugriffsmodus: <http://www.spiegel.de/kultur/literatur/trutz-von-christoph-hein-ueber-eine-biographie-zwischen-hitler-und-stalina-1140568.html>. – Freigabedatum: 29.03.2017.

Поступила 07.10.2019

THE MOTIF OF MEMORY IN C. HEIN'S TRUTZ

K. KUZNECHYK

The analysis of the historical originality of C. Hein based on the "Trutz" (2017) novel is carried out. The main conflict, "friend" – "foe" opposition, is represented by forced migration in two totalitarian systems, fascism and Stalinism. Dealing with the past is the most important point of the writer's aesthetic program. C. Hein sharply criticizes the essence of totalitarian states, the mechanisms of manipulation and suppression of citizen's personal freedom. The study subject is the memory motif, which is realized through the image of the family. There are repeating motifs, images (the motif of trauma, memory, the image of the family) and author's techniques (emotional-semantic nuance of the name, using of symbolism).

Keywords: German literature after reunification, history of Germany, forced migration, "friend" – "foe" opposition, integration, motif of memory, motif of trauma.